

А. БЕЙЛИН

НЕ ЗНАЮ, почему, может быть, потому, что в те дни ярко над городом светело солнце, а может быть, и действительно, глаз примечал только то, что было дорого, с чем были связаны приметы мирных, уходящих в прошлые дни, но в первые дни войны казались, что город и останется таким, как прежде, что каждые десять дней на афишных тумбах будут появляться новые театральные анонсы, что на Невском всегда будет много народа, а по вечерам в театральные выходы тысячи людей будут жаждать ловить со сцены слово актера.

Но вот в огромном вестибюле бывшего Мариинского дворца я увидел знакомую фигуру — Николая Константиновича Черкасова. Здесь, во дворце, помещался штаб только что созданной армии явродного ополчения.

— Да, — сказал Николай Константинович, — здесь у нас актерское подразделение...

Он был в военной форме и слогов, таких же новеньких, какие были тогда у всех нас.

ГЕРОИЧЕСКАЯ ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ

«Гордой наводкой» — так называлась программа Театра народного ополчения, который возглавлял Черкасов.

Актеры, свободные от спектакля, вместе с теми, кто играл в этот день на сцене, помогали зрителям укрыться в бомбоубежище. Не было случая, чтобы после конца воздушной тревоги зал оставался пустым. Люди возвращались на свои места, и спектакль продолжался. Даже если тревога прерывала его несколько раз.

КОГДА вспоминаешь о героических днях девятилетней обороны города, вновь оживают страницы театральной летописи тех лет. Ленинградцы не дали ветру войны загнать огонь искусства.

На самом верхнем ярусе Театра оперы и балета имени С. М. Кирова расположен зал, который носит имя художника А. Голлоуина. Здесь, на огромных просторах зала, под искусными руками ассистора вала, под меткими руками декоратора создавал мерцающий лесной, луга, озера, красивые замки являлись из небытия, и возникал особый мир театра, в котором необыкновенным образом соединялись реальность и условность.

В июне 1941 года в лаборатории «Жизнь», «Дон-Кихота», «Пятак» укрывали сцену юбилейного спектакля балерны Е. М. Люком. Не могу забыть удивительный этот вечер, в котором приняла участие Галина Уланова, Наталья Дудинская, Татьяна Вечеслова, Ольга Нордан, Фей Балабина, Константин Сергеев и даже в роли Дон-Кихота Николай Черкасов.

В Головинском зале собиравлась почти вся труппа. Над городом летали самолеты. Стараясь прозвонить обложку, люди прощались широким лобом. Горю, его лавою, институту, его дома, корабли, стоящие на Неве, нужно было укрыть от вражеского глаза. В Головинском зале проворно сплетали сети люди, которые никогда раньше не занимали дранор. И словно островки зелени возникали на этих сетях волоконистые пучки. Отличная маскировка! Работают молча, не теряя ни минуты. После спектакля Галина Уланова подходит к своему столу, чтобы проложить переднюю работу.

Маскировочные макеты делала тогда во всех театрах. В Малом оперном изготовляли фаерные самолеты и танки. Танки должны были двигаться, но где взять колеса? Вспомнили о телегах из «Стихот Дюма». Фаерные танки поставили на эти колеса.

А в это время группа артистов театра была под Луной. Вооружившись лопатами и кирками, бок о бок с рабочими Ленинградского района выполняли тяжелую работу. Нагналв эту актерскую бригаду директор Кирилл Кондратьев.

АКТЕРЫ уходили в армию добровольцами. Когда коллектив нового ТЮЗа эвакуировался из города, в ла, онах были только одни женщины; весь мужской состав труппы находился уже в

града армия или нес службу обороны города вместе с другими ленинградцами.

Артисты Театра комедии, который оставался в городе почти до первой блокадной зimy, вспоминают о таком эпизоде. Шло пьеса А. Н. Островского «На бойком месте». Казалось бы, уж совсем далекие времена и несозвучные настроения. Но театр был полон. Среди зрителей находились люди преимущественно в военной форме. Для некоторых это мог быть последний спектакль, который они видели в своей жизни. Загря — на фронт.

И вот в самый разгар действия прозвучала сирена, которая выматывала душу и заставляла сжиматься кулаки и в которой невозможно было привыкнуть, хотя это повторялось по многу раз на день и каждый вечер в один и те же часы. Пока артисты покидали зал, актеры успели занять свои посты у объектов противовоздушной обороны.

Артист Ж. Ленский, игравший Милодина, стоял у выхода из зала в своем сценическом костюме и гриме, прибавил к этому только пожарную каску, которая кикетливо покоилась на его голове. Один из зрителей, лейтенант, подошел к артисту и сказал ему:

— Очень обидно... Смотрел, смотрел, и все vuoto... Вот вы, например, товарищ Милодина, вы не знаете, как вас называли никак... Неужели вы из-за этой паюсты Евгения Аннушки забудите имя вас людей этот артист?

Тревога на этот раз была очень продолжительная, и актер имел возможность довольно подробно расказать лейтенанту содержание пьесы до своего конца.

Сцена и в самые тяжелые дни блокады, когда в городе оставалось совсем мало актеров, была главным постом для любого работника театра, искусство — главным оружием.

ВСЮ ВОЙНУ оставался в Ленинграде на Театр музыкальной комедии. В его семье спектакли, в которых сысто действовали опереточные князья и легкомысленные красавицы, сохранились в репертуаре и посещались зрителями не только потому, что это был в ту пору едва ли не единственный театр в городе, но еще и потому, что воинам и горожанам нужен был смех.

Вскоре после отъезда Театра драмы имени Пушкина спектакли Театра музыкальной комедии были перенесены на сцену Веры Аркадьевны Мичуриня. С. Милодина, остававшаяся в Ленинграде, никак не могла примириться с этим. Академический театр, гордость русского искусства, традиции, великодушные мастера драмы... и вдруг такое легкомыслие!

Жизнь неопредели, один из разу не ходила сюда — слишком все это ей казалось неправдоподобным. Однажды театр поздравляла свою премьеру «Раскиснуло море широко». Веру Аркадьевну, как всегда, пригласила на спектакль, и даже пошла а ней домой, чтобы проводить в театр.

И она пришла. Вера Аркадьевна наблюдала за режиссер зрительного зала. Это было необыкновенно. Зритель блокадных лет — зритель удивительный, и ему невозможно было не отдать дань восхищения. После этого Мичуриня, Самойлову часто вывели в театр. А однажды после спектакля она привела за кулисы и, не говоря лишних слов, низко поклонилась артистам оперетты.

«Раскиснуло море широко» написали, как известно, писатели-балетники, работавшие в ту пору на флоте: Всеволод Вишневский, Александр Крон и Всеволод Азаров. Три недели прошло с того дня, как были придуманы первые строки комедии и разработан сюжет, а пьеса была уже в театре. Композиторы В. Виллан, Л. Крун и Н. Минх написали музыку. В театре начались репетиции, которым руководил Николай Яковлевич Япет.

Что же это за спектакль?

Всеволод Вишневский говорил его участниками:

— Мы решили, что в условиях напряженной борьбы и осады нужно внести даже в музыкальный спектакль острую политическую тему. Спектакль должен быть ярким, бойким, а спектакле должен быть смех осужденного города над немцами. Наш горюк льют в лицо врагу и смеется!

ИСКУССТВО Ленинграда наступало на враг с первого дня войны. Оно было «Гордой наводкой» артистов народного ополчения, которым руководил Николай Черкасов. Среди авторов первой программы были Евгений Шварц и Венамиан Каверин. Черкасов, выступая перед воинами Ленинградского фронта, читал монолог профессора Пожосева из фильма «Депутат Балтики». Как современно звучали слова старого ученого, которые он обращал с трибуны Петросветов к рабочим и матросам Петрограда, уходившим в бой, на защиту родного города!

Искусство Ленинграда наступало. Бойком театрального агитзалада в белых маскироночных халатах на виду у гитлеровцев шли по льду Финского залива, чтобы принести свое искусство воинам, занимавшимся отдаленные от города позиции.

Это были актеры, ставшие солдатами. Это были солдаты, владевшие оружием художника.

Каждое выступление артистов, приезжавших к бойцам на передний край, было как бы свидетельством того, что город живет, борется. Это была весточка из дома, дружеское послание от близкого человека. И послание с таким посланием смотрели солдаты на прекрасные танцы, которые исполняли худенькие мальчики и девочки из армейского агитзалада.

— Откуда эти дети? — спрашивали зрители в красноармейских шинелях.

— Это воспитанники Ленинградского Дворца пионеров.

— Как же они попали в армию, такие малые?

— Их собрали по квартирам и, спасая от голодной смерти, привез сюда их учителя, балетмейстер, старший лейтенант Аркадий Обрант.

И солдаты влодированная группа, улыбались и плакали. Очень прощались суровой жизнью и прекрасное искусство.

И в помощь, как однажды в землянке под Колпино радостно пела ленинградскую радиостанцию, и землянка наполнялась великолепными стихами. Исполнялся монолог Ромео. И в землянке стало тихо, совсем тихо. Читал монолог Борис Смирнов.

ДО НЕДАВНЕГО времени один из интересных ленинградских театров — равных коллективов, который теперь носит имя В. Ф. Комиссаржевской, называли «Блокадный театр». Да и сейчас имя великой русской актрисы не мешает иной раз обратиться к этому примечательному названию театра. А под «Блокадным» его стали называть после войны.

Сам по себе этот факт был для многих ленинградцев необыкновенно поощряющим. На афише появились имена многих актеров, которые хорошо знали по довоенным годам.

Городской драматический театр собрал многих актеров, оставшихся в Ленинграде. В его спектаклях играли В. Горин-Горинков, В. Усков, М. Домашнев, В. Стрешнев, В. Честюков, Л. Любимовский, А. Соколов, М. Павлович, П. Курцер и многие другие талантливые драматические актеры. После «Русские люди» был показан «Фронт» А. Корнелюк.

Я помню, как на одном из спектаклей в дни блокады в зале погас свет, потому что на станции вышла из строя машина. В полной темноте к зрителям обратился один из участников спектакля.

— Дальше продолжать невозможно, — сказал он, — неизвестно, сколько времени это будет длиться.

И тогда в зале зажгется электрический фонарик, луч которого был направлен на творившего актера. Потом зажгется другой фонарик, еще и еще... Зрители осветили сцену, насколько это было возможно, и спектакль доиграли до конца.

... Не хочется говорить красивых слов, но ведь это были подлиннее лучи жизни, которые вдохновляли искусство Ленинграда в ту героическую пору!

Ленинград — город музеев и театров... Художник В. ВЕДИНГЕР.